

денного Петром, идея двух России, «старой» и «новой», всецело завладевает сознанием современников и в последующие десятилетия становится отправным пунктом всех идеологических построений. Так, Феофан Прокопович в одной из своих проповедей 1720 года говорил: «Долг великий лежит на всех, как духовных пастырях, так и мирских начальниках и прочих. . . беседами, разговорами, проповедями, пением и всякими сказания образом толковати и изъясняти в слух народа, что мы прежде были и что уже ныне, какова была Россия и какова есть уже».²⁷ И это характерно не только для сторонников и защитников реформ, но и для их противников, даже наиболее ожесточенных. Идеологи раскола, царевич Алексей и Петр II с их окружением, верховники — при значительных отличиях их практических планов и политических требований — также исходным пунктом своих идеологических построений вольно или невольно делали сопоставление двух России: допетровской и послепетровской. Таким образом, идея историзма вторгалась в русскую общественную мысль и литературу из самой действительности как результат тяжелого жизненно-исторического опыта. Разумеется, выводы из этого исходного положения делались совершенно противоположные. Старообрядческая и аристократическая «партии» тянули назад, усматривая в реформах только измену национально-религиозным традициям, а идеологи петровских реформ, начиная с Феофана Прокоповича, усматривали в «новой» России, созданной Петром, только начало и залог исторически прогрессивного развития страны по пути просвещения. Именно вера в развитие просвещения как в основу исторического прогресса русской нации составляла принципиальное отличие первых русских просветителей (Феофана Прокоповича, Кантемира, Тредиаковского) от их противников при указанном единстве исходного пункта.

Первые русские просветители усвоили характернейшую черту официальной идеологии петровского времени. Петр, в отличие от своих предшественников, все частные сословные интересы стремился подчинить интересам дворянского государства и нации в целом. Конечно, в действительности его реформы служили в первую очередь интересам господствующих классов, но в сознании самого Петра и его сподвижников эти интересы полностью отождествлялись с интересами государства, и государство и нация (народ), в свою очередь, представлялись взаимно совпадающими понятиями. Служение государству означало служение нации. Такова была своеобразная идеологическая программа русского просвещенного абсолютизма, глубоко и органично усвоенная русскими просветителями 1720—1750-х годов. В их представлении проникнутый пе-

²⁷ Феофан Прокопович. Слова и речи, т. II, стр. 73.